

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/XZKAGK>

ИПОН: 2007-0083-1/26-772

MOSURED: 77/27-005-2026-01-772

Свобода выбора поведения и генезис ее ограничения в правовом государстве

Владислав Игоревич Ковшевацкий¹, Элеонора Викторовна Маркина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Аннотация. Представляет собой комплексное исследование фундаментальной проблемы соотношения индивидуальной свободы выбора поведения и ее правовых ограничений в контексте правового государства. Работа осуществляет междисциплинарный анализ, синтезирующий философско-правовые, исторические, сравнительно-правовые и теоретико-правовые подходы.

Ключевые слова: свобода выбора поведения, автономия воли, правовое государство, генезис правовых ограничений, либертарная теория права, коммунитаризм, принцип пропорциональности, международные стандарты прав человека, достоинство личности, социальная ответственность, публичный интерес

Для цитирования: Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В. Свобода выбора поведения и генезис ее ограничения в правовом государстве // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 108–114. EDN: XZKAGK.

Original article

Freedom of choice of behavior and the genesis of its limitations in a State governed by the rule of law

Vladislav I. Kovshevatsky¹, Eleonora V. Markina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Abstract. Is a comprehensive study of the fundamental problem of the relationship between individual freedom of choice and its legal restrictions in the context of the rule of law. The work provides an interdisciplinary analysis that combines philosophical, legal, historical, comparative, and theoretical approaches.

Keywords: freedom of choice of behavior, autonomy of will, rule of law, genesis of legal restrictions, libertarian theory of law, communitarianism, principle of proportionality

For citation: Kovshevatsky V. I., Markina E. V. Freedom of choice of behavior and the genesis of its limitations in a State governed by the rule of law. Criminological Journal. 2026;(1):108–114. EDN: XZKAGK.

Проблема свободы и ее границ представляет собой осевую линию развития всей западной, а впоследствии и мировой политико-правовой мысли [2, с. 89]. Свобода выбора поведения, понимаемая как способность индивида к самоопределению в рамках социаль-

ного пространства, является не только философской абстракцией, но и базовым конституционно-правовым принципом, определяющим содержание правового статуса личности. Однако сама возможность реализации этой свободы в обществе с необходимостью

© Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В., 2026

предполагает установление определенных правил и ограничений, предотвращающих хаос и обеспечивающих сосуществование множества автономных волей [3, с. 112]. Центральный вопрос, таким образом, заключается не в самом факте ограничения, а в его характере, основаниях и пределах.

Актуальность обусловлена рядом факторов современного развития: усложнением социальных рисков и появлением новых сфер, требующих регуляции (цифровое пространство, биоэтика, экология); глобализацией правозащитных стандартов и их взаимодействием с национальными правовыми культурами; возрождением дискуссий о пределах государственного вмешательства в эпоху пандемий и новых вызовов безопасности [4, с. 156]. Цель настоящей статьи — предложить целостное, многоаспектное рассмотрение проблемы, преодолевающее фрагментарность чисто нормативного или исторического анализа. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

- провести философско-правовой анализ свободы выбора поведения как категории, раскрывающей ее антропологические и правовые основания;
- осуществить историко-ретроспективный анализ эволюции представлений о допустимых пределах свободы от античных полисов до современных конституционных демократий;
- систематизировать основные научные подходы (либертарный, коммунитарный, неолиберальный и др.) к проблеме ограничения свободы и оценить их влияние на современное правопонимание;
- исследовать роль и содержание международных стандартов в области прав человека как универсального каркаса для легитимации ограничений;
- сформулировать систему принципов, определяющих легитимность ограничения свободы поведения в современном правовом государстве, и проанализировать механизмы их обеспечения.

Свобода выбора поведения не является синонимом произвола. В правовом измерении она представляет собой признанную и гарантированную публичной властью меру возможного социально значимого поведения индивида. Ее философская основа восходит к идее автономии (от греч. *autos* — сам, *nomos* — закон), т. е. способности личности быть источником собственного морального и правового закона. Иммануил Кант дал этой идее классическую формулировку, утверждая, что свобода есть «способность человека

давать себе закон» и что право должно обеспечить «совместимость произвола каждого со свободой всех согласно всеобщему закону» [5, с. 134]. Право, таким образом, не отрицает свободу, а задает ее всеобщую форму, переводя из состояния естественной неопределенности в состояние правовой определенности и защищенности.

С юридической точки зрения, свобода выбора поведения выступает первичным элементом правосубъектности и онтологическим фундаментом для всей системы субъективных прав [6, с. 78]. Каждое конкретное право (на труд, на объединение, на свободу передвижения или слова) есть не что иное, как специализированная, юридически оформленная возможность выбора определенной модели поведения в конкретной сфере жизни. Ограничение такой возможности — это всегда вторжение в ядро правового статуса личности, что требует не просто формального обоснования, но и прохождения строгой проверки на соответствие высшим конституционным ценностям.

В античном мире (Древняя Греция, Рим) концепция свободы (*eleutheria*, *libertas*) была тесно связана с политическим статусом. Свободен был гражданин полиса, участвующий в управлении общими делами. Эта свобода понималась не как независимость от общества, а как возможность активного участия в нем. Ее оборотной стороной была ответственность перед полисом. Как отмечает исследователь античной философии права, в этот период «индивид еще не мыслился как самодостаточная ценность; его бытие реализовывалось через включенность в целое» [7, с. 92]. Ограничения имели ярко выраженный этико-политический характер и вытекали из идеи общего блага (*bonum commune*). В трудах Аристотеля и Цицерона право (*jus*) рассматривалось как искусство справедливости (*ars boni et aequi*), направленное на достижение этой цели [8, с. 67].

В средневековой Европе под влиянием христианской схоластики (Фома Аквинский) сложилась трехуровневая концепция закона: вечный божественный закон, естественный закон (отражение божественного разума в творении) и человеческий (позитивный) закон. Свобода воли человека признавалась, но ее осуществление должно было соответствовать естественному закону, предписывающему стремиться к благу и избегать зла. Позитивный закон монарха или города считался легитимным лишь в той мере, в какой он не противоречил естественному праву [9, с. 145]. Ограничения свободы, таким образом, получали трансцендентное обоснование. Кардинальный перелом связан с теорией общественного договора и философией Про-

свещения. Томас Гоббс, исходя из пессимистического взгляда на человеческую природу («человек человеку волк»), видел в абсолютной власти суверена (Левиафана) единственное средство обуздания «войны всех против всех». Индивиды, по Гоббсу, отказываются от своей естественной свободы ради безопасности [10, с. 203]. Джон Локк предложил более либеральную модель. Индивиды, обладая естественными и неотчуждаемыми правами (на жизнь, свободу, собственность), делегируют государству лишь минимум полномочий, необходимых для защиты этих прав. Государство не создает права, а лишь охраняет предсуществующие [11, с. 88]. Как подчеркивает теоретик права М. Н. Марченко, у Локка «ограничение свободы становится не произволом власти, а результатом рационального согласия самих индивидов, стремящихся к лучшему обеспечению своей безопасности» [12, с. 112]. Жан-Жак Руссо, развивая идею общей воли (*volonté générale*), утверждал, что подчинение ей есть акт свободы, поскольку общая воля выражает подлинные интересы каждого. Идея Руссо, однако, таила в себе риск этатистского поглощения индивида коллективом [13, с. 175].

Иммануил Кант придал либеральной идее универсально-философское звучание. Свобода для Канта — это автономия, способность следовать моральному закону, который разум предписывает сам себе. Право же есть совокупность условий, при которых произвол одного совместим с произволом другого по всеобщему закону свободы [5, с. 140]. Таким образом, ограничение произвола (свободы как произвола) становится условием возможности свободы как автономии для всех.

В XIX в. классический либерализм, воплощенный в идеологии *«laissez-faire»*, настаивал на максимальном ограничении государственного вмешательства в частную и экономическую жизнь. Свобода понималась преимущественно негативно — как свобода от посягательств. Однако социальные катаклизмы и неравенство, порожденные индустриализацией, привели к кризису этой модели. Возникла концепция социального правового государства (*sozialer Rechtsstaat*), наиболее полно разработанная в немецкой правовой мысли (Л. фон Штейн, Р. фон Гнейст). В нем государство берет на себя активную роль в обеспечении социальной справедливости, защите слабых и создании условий для реальной, а не только формальной свободы [14, с. 231]. Это потребовало расширения оснований для правомерного вмешательства государства (защита здоровья, обеспечение минимальных социальных стандартов), что, в свою очередь, обострило вопрос о границах такого вмешательства.

Современная теоретико-правовая мысль предлага-

ет спектр подходов к проблеме ограничения свободы, отражающих разные аксиологические приоритеты.

В отечественной науке эта концепция, развиваемая В. С. Нерсесянцем и его школой, рассматривает право как всеобщую и равную меру свободы. Право, по Нерсесянцу, есть не продукт государства, а имманентная форма бытия свободы в обществе. Государство лишь формулирует и защищает эту меру [15, с. 56]. Ключевой принцип — формальное равенство субъектов права. Ограничение свободы одного является не умалением его права, а необходимым условием обеспечения равной меры свободы для другого. В этой парадигме главный критерий легитимности ограничения — его всеобщность и формальная определенность, исключая произвол и привилегии.

Коммунитаризм (Аласдер Макинтайр, Майкл Сэндел, Чарльз Тейлор) представляет собой реакцию на, по их мнению, излишний атомизм и нейтралитет либерализма. Коммунитаристы утверждают, что личность конституируется не до, а внутри сообществ с их разделяемыми традициями, языком и ценностями. «Независимый», лишенный контекста индивид — это абстракция. Следовательно, свобода также укоренена в социальном контексте [16, с. 189]. Ограничения, вытекающие из разделяемых представлений о благой жизни и направленные на поддержание морального климата и целостности сообщества, являются не внешними оковами, а внутренними условиями самой возможности осмысленной свободы. Как пишет М. Сэндел, либерализм ошибочно стремится отделить право от понятий добродетели и общего блага, тогда как закон должен способствовать формированию добродетельных граждан и защищать коллективные ценности [17, с. 77]. Этот подход оправдывает более широкий круг ограничений, основанных на моральных соображениях сообщества.

На противоположном полюсе находится неолиберальная и либертарианская мысль (Роберт Нозик, Фридрих Хайек в определенных аспектах). Исходя из примата индивидуальной свободы и права собственности, они отстаивают модель «минимального государства» (*night-watchman state*). Функции государства сводятся исключительно к защите жизни, свободы и собственности граждан от посягательств (внутренних и внешних) [18, с. 204]. Любые перераспределительные, патерналистские или «воспитательные» меры, ограничивающие свободу выбора индивида ради «социальной справедливости» или даже его собственного предполагаемого блага, рассматриваются как морально недопустимые и юридически нелегитимные. Этот подход наследует принцип вреда Джона Стюар-

та Милля: единственное основание для ограничения свободы личности — предотвращение вреда другим [19, с. 93]. Государство не вправе запрещать саморазрушительное или «аморальное» поведение, если оно не причиняет прямого ущерба третьим лицам.

Этот подход, восходящий к идеям Иммануила Канта и получивший развитие в трудах российского философа Ивана Ильина и современных конституционалистов, помещает в центр не свободу как таковую, а человеческое достоинство. Достоинство понимается как безусловная ценность каждой личности, не зависящая от ее социального статуса, заслуг или полезности [20, с. 118]. Права и свободы являются производными от достоинства и призваны его защищать. Государство, с этой точки зрения, обязано не только воздерживаться от унижающих достоинство действий, но и создавать условия для его реализации. Это может оправдывать ограничения свободы, направленные на защиту достоинства как самого индивида (например, запрет на рабский договор, продажу органов), так и других лиц (запрет на hate speech, унижающее человеческое достоинство обращение). Как отмечает немецкий юрист Дитер Гримм, в современном конституционализме основные права приобретают «объективно-ценностное» измерение, защищая не только индивидуальную сферу, но и объективный правопорядок, основанный на достоинстве [21, с. 165].

После Второй мировой войны формирование международного права прав человека стало практическим ответом на вопрос о легитимных пределах государственного вмешательства. Международные акты создали универсальный, надгосударственный каркас для оценки ограничений.

Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) в статьях, посвященных конкретным свободам (ст. 12, 18, 19, 21, 22), закрепляет типовую трехчленную формулу ограничения:

- ограничение должно быть предусмотрено законом;
- оно должно быть необходимым для достижения одной из перечисленных законных целей (охрана государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения, прав и свобод других лиц);
- ограничения должны быть совместимы с другими правами, признаваемыми Пактом [22].

Комитет ООН по правам человека в своих Замечаниях общего порядка уточняет, что ограничения не должны быть произвольными, должны толковаться narrowly (узко) и быть соразмерными защищаемому интересу [23, с. 45].

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) и прецедентная практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) представляют собой наиболее детально разработанную и эффективную модель контроля за ограничениями. Для ключевых прав (ст. 8–11: право на уважение частной жизни, свобода мысли, совести, религии, выражения, собраний и ассоциаций) Конвенция содержит исчерпывающий («закрытый») перечень оснований для ограничения. В своей знаковой практике, начиная с дела «*Handyside v. The United Kingdom*» (1976), ЕСПЧ выработал стандартный тест на допустимость ограничения:

- предусмотренность законом (*prescribed by law*): национальный закон должен быть доступным, предсказуемым и сформулированным с достаточной точностью;
- законная цель (*legitimate aim*): ограничение должно преследовать одну из целей, прямо указанных в соответствующей статье Конвенции;
- необходимость в демократическом обществе (*necessary in a democratic society*): это ядро проверки. Государство должно доказать, что ограничение отвечает насущной общественной потребности (*pressing social need*), что оно пропорционально этой цели (т. е. является наименее ограничительным средством ее достижения) и что причины, приведенные для его оправдания, являются убедительными и достаточными [24].

При этом ЕСПЧ признает за государствами «поле усмотрения» (*margin of appreciation*), ширина которого зависит от контекста: оно уже в вопросах, касающихся основополагающих аспектов прав (например, свобода от пыток), и шире в сферах, где нет европейского консенсуса (например, некоторые аспекты морали или социально-экономической политики). Как отмечает специалист по европейскому праву М. Л. Энтин, эта система представляет собой «постоянный поиск справедливого равновесия между автономией индивида и коллективными ценностями, с учетом национального контекста, но под верховным надзором наднационального суда» [25, с. 211].

Обобщая исторический опыт, научные дискуссии и международные стандарты, можно сформулировать систему принципов, которым должно соответствовать любое ограничение свободы поведения в правовом государстве, чтобы считаться легитимным.

1. Принцип верховенства права и законности. Ограничение должно иметь ясную правовую основу в

акте высшей юридической силы (как правило, в законе, принятом парламентом). Подзаконные акты могут лишь детализировать установленные законом рамки. Сама правовая норма должна быть качественной: публичной, определенной, не имеющей обратной силы, не допускающей произвольного толкования [26, с. 134].

2. Принцип соразмерности (пропорциональности) как центральный материально-правовой критерий.

Этот принцип, ставший краеугольным камнем современного конституционализма, операционализирует идею справедливого баланса. Он включает три ступени проверки, разработанные в немецкой правовой доктрине и воспринятые конституционными судами и ЕСПЧ.

Пригодность: Мера ограничения должна быть в принципе способна способствовать достижению заявленной законной цели.

Необходимость (минимальная достаточность): Среди всех средств, способных достичь цели, должно быть выбрано то, которое в наименьшей степени ограничивает право. Государство обязано доказать отсутствие альтернативы, столь же эффективной, но менее обременительной.

3. Соразмерность в узком смысле (пропорциональность *stricto sensu*): Должен быть соблюден баланс между степенью ограничения свободы и важностью защищаемого публичного интереса. Негативные последствия для индивида не должны быть чрезмерными по сравнению с достигаемой общественной выгодой [27, с. 178].

4. Принцип уважения человеческого достоинства как абсолютная граница. Это императив, стоящий выше принципа пропорциональности. Никакое, даже законное и соразмерное ограничение, не может унижать человеческое достоинство, обращаться с человеком как с объектом, а не субъектом права [28, с. 92]. Этот принцип закреплен в ст. 1 Основного закона ФРГ, ст. 21 Хартии Европейского союза об основных правах и получает все большее признание как неотъемлемая часть конституционного строя.

5. Принцип недискриминации. Ограничения не должны проводить необоснованные различия между лицами по признакам расы, пола, религии, политических убеждений и т. д. Любое различие в правовом режиме должно быть объективно оправданным и соответствовать принципу пропорциональности [29, с. 156].

6. Принцип судебной защиты и правовой определенности. Лицо, чья свобода ограничена, должно иметь эффективную возможность оспорить это ограничение перед независимым и беспристрастным

судом. Сама норма, устанавливающая ограничение, должна быть сформулирована с достаточной ясностью, позволяющей гражданину предвидеть правовые последствия своих действий [30, с. 67].

Проведенное исследование демонстрирует, что проблема свободы выбора поведения и ее ограничений является не статичной догмой, а динамичным полем напряженного диалога между философской мыслью, правовой теорией, историческим опытом и практикой государственного строительства. Генезис ограничений прошел сложный путь от растворения индивида в коллективе античного полиса и средневековой корпорации через провозглашение его суверенной автономии в эпоху Просвещения к поиску новой, сложной модели баланса в условиях современного социального правового государства.

Современное правовое государство не может быть сведено ни к модели «ночного сторожа» радикального либертарианства, ни к всепоглощающему коммунитарному целому. Оно представляет собой сложный институциональный механизм, призванный обеспечивать устойчивое сосуществование автономии и солидарности, прав и ответственности. Легитимность ограничения свободы в нем обеспечивается не одномерным критерием, а прохождением через многоуровневую систему фильтров: формальную законность, материальную соразмерность, соответствие высшей ценности человеческого достоинства, недискриминационность и гарантии судебной защиты.

Список источников

1. Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция. М. : Норма, 2012.
2. Лейст О. Э. История политических и правовых учений. М. : Зерцало, 2018.
3. Мамут Л. С. Государство в ценностном измерении. М. : Норма, 1998.
4. Лукашева Е. А. Глобализация, право, права человека // Права человека: итоги века, тенденции, перспективы. М. : Норма, 2019. С. 150–175.
5. Кант И. Метафизика нравов. Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М. : Мысль, 1965.
6. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М. : Норма, 2008.
7. Нерсесянц В. С. Сократ. М. : Наука, 1977.
8. Аристотель. Политика. Сочинения в 4-х т. Т. 4. М. : Мысль, 1983.
9. Аквинский Фома. Сумма теологии. Часть I-II. Вопросы 90–97. О законе. Киев : Ника-Центр, 2013.

10. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М. : Мысль, 2001.
11. Локк Дж. Два трактата о правлении. Соч. в 3-х т. Т. 3. М. : Мысль, 1988.
12. Марченко М. Н. Правовое государство и гражданское общество: теоретико-правовое исследование. М. : Проспект, 2018.
13. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М. : Канон-пресс, 1998.
14. Гримм Д. Конституционализм: прошлое, настоящее, будущее. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021.
15. Нерсисянц В. С. Право и закон. М. : Наука, 1983.
16. Сэндел М. Демократия и недовольство. М. : Ад Маргинем Пресс, 2020.
17. Sandel M. J. Liberalism and the Limits of Justice. 2nd ed. Cambridge University Press, 1998.
18. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М. : ИРИСЭН, 2008.
19. Милль Дж. С. О свободе. Антология западно-европейской классической либеральной мысли. М. : Наука, 1995. С. 288–350.
20. Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарогъ, 1993.
21. Grimm D. The Role of Human Dignity in Constitutional Law // The Cambridge Handbook of Human Dignity. Cambridge University Press, 2014. P. 161–170.
22. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН).
23. General Comment No. 27: Art. 12 (Freedom of Movement). UN Doc. CCPR/C/21/Rev.1/Add.9 (1999).
24. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.).
25. Энтин М. Л. Международные гарантии прав человека. Опыт Совета Европы. М. : Международные отношения, 2017.
26. Алексеев С. С. Философия права. М. : Норма, 2020.
27. Алекси Р. Теория основных прав. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021.
28. Барабашев А. Г. Достоинство личности как конституционная ценность // Государство и право. 2016. № 4. С. 88–97.
29. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 2019 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».
30. Страшун Б. А. Конституционное правосудие. М. : Норма, 2015.

References

1. Nersesyants V. S. Philosophy of law: libertarian-legal concept. M. : Norma, 2012.
2. History of political and legal doctrines: Textbook / Edited by O. E. Leist. M. : Zertsalo, 2018.
3. Mamut L. S. The State in the value dimension. M. : Norm, 1998.
4. Lukashева E. A. Globalization, law, human rights // Human rights: the results of the century, trends, prospects. M. : Norma, 2019. P. 150–175.
5. Kant I. Metaphysics of morals. Soch. in 6 vols. Vol. 4. Part 2. M. : Mysl, 1965.
6. Vitruk N. V. General theory of the legal status of the individual. M. : Norm, 2008.
7. Nersesyants V. S. Socrates. M. : Nauka, 1977.
8. Aristotle. Politics. Essays in 4 volumes Vol. 4. M. : Mysl, 1983.
9. Aquinas Thomas. The sum of theology. Part I-II. Questions 90–97. About the law. Kiev : Nika-Center, 2013.
10. Hobbes T. Leviathan, or the Matter, form and power of the state of the church and civil. M. : Mysl, 2001.
11. Locke J. Two treatises on government. Soch. in 3 volumes. Vol. 3. M. : Mysl, 1988.
12. Marchenko M. N. The rule of law and civil society: a theoretical and legal study. M. : Prospekt, 2018.
13. Rousseau J.-J. About the social contract. Treatises. M. : Canon-press, 1998.
14. D. Constitutionalism: past, Present, and Future. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2021.
15. Nersesyants V. S. Law and the law. M. : Nauka, 1983.
16. Sandel M. Democracy and discontent. M. : Adam Press, 2020.
17. Sandel M. J. Liberalism and the Limits of Justice. 2nd ed. Cambridge University Press, 1998.
18. Nozik R. Anarchy, the state and utopia. M. : IRISEN, 2008.
19. Mill J. S. On Freedom. Anthology of Western European classical liberal thought. M. : Nauka, 1995. P. 288–350.

20. Ilyin I. A. On the essence of legal consciousness. М. : Rarog, 1993. .
21. Grimm D. The Role of Human Dignity in Constitutional Law // The Cambridge Handbook of Human Dignity. Cambridge University Press, 2014. P. 161–170.
22. International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) of the UN General Assembly).
23. General Comment No. 27: Art. 12 (Freedom of Movement). UN Doc. CCPR/C/21/Rev.1/Add.9 (1999).
24. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome on November 4, 1950).
25. Entin M. L. International guarantees of human rights. The experience of the Council of Europe. М. : International Relations, 2017.
26. Alekseev S. S. Philosophy of law. М. : Norm, 2020.
27. Alexi R. Theory of fundamental Rights. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021.
28. Barabashev A. G. Personal dignity as a constitutional value // State and Law. 2016. No. 4. P. 88–97.
29. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 15, 2019 No. 1-П «In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 12.26 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation».
30. Strashun B. A. Constitutional justice, М. : Norma, 2015.

Информация об авторах

В. И. Ковшевацкий — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Э. В. Маркина — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. I. Kovshevatsky — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Science, Associate Professor;

E. V. Markina — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Science, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.01.2026; одобрена после рецензирования 29.01.2026; принята к публикации 03.02.2026.

The article was submitted 22.01.2026; approved after reviewing 29.01.2026; accepted for publication 03.02.2026.